

УДК 93/94

DOI: 10.17223/2312461X/27/8

ПАРАДОКСЫ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ: ПАМЯТЬ О КРЕСТЬЯНСКИХ ВОССТАНИЯХ 100 ЛЕТ СПУСТЯ*

Артем Владимирович Кравченко,
Никита Андреевич Ломакин,
Варвара Михайловна Склез,
Анна Дмитриевна Соколова

Аннотация. Настоящая статья проблематизирует феномены памяти и забвения в современном российском обществе на примере памяти о крестьянских восстаниях периода Гражданской войны. На материалах большого корпуса воспоминаний о событиях крестьянских восстаний 1920-х гг., собранных в Тюменской и Тамбовской областях, мы анализируем некоторые особенности структуры нарративов о событиях столетней давности. Особенностью данных нарративов являются систематические темпоральные смещения, когда при разговоре о событиях крестьянских восстаний начала 1920-х гг., респонденты самостоятельно переходят к описанию событий другого временного регистра. Различные способы обращения со временем можно рассматривать как одну из составляющих осмысления прошлого в ситуации, когда социальная память о нем находится на грани исчезновения, но само событие еще может быть выделено в качестве отдельного и достаточно значимого.

Ключевые слова: историческая память, память, забвение, темпоральности, нарратив, крестьянские восстания, Гражданская война

Историографические замечания

Череда столетних юбилеев событий Революции и Гражданской войны, в которую Россия вступила в 2017 г., актуализировала научную дискуссию по основной проблематике и интерпретации этого периода в истории страны. Однако рефлексия о функционировании памяти о событиях столетней давности остается на периферии этих обсуждений, в тени политических и историографических дискуссий (Smith 2015; Fitzpatrick 2017; Swain 2017; Malinova 2018; Ryan 2018). Между тем, вопрос о том, как и почему мы продолжаем помнить об одних значимых исторических событиях и забывать другие, является не менее важным для понимания исторических процессов. Настоящая статья проблематизирует феномен памяти и забвения в современном российском обществе на примере памяти о крестьянских восстаниях периода Гражданской войны. В фокусе нашего внимания оказываются не историче-

* Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 19-78-10076.

ские факты, а нарративные практики людей, рассказывающих о восстаниях.

Сегодня очевидно, что крестьянские восстания времен Гражданской войны в России занимали особое (и весьма существенное) место в истории революционных потрясений начала XX в. Историография последних тридцати лет существенно обогатила представления об их характере, ходе и движущих силах. Значительную роль в разработке этой темы в постсоветскую эпоху сыграл уход от идеологического партийного диктата с его устоявшимися историографическими клише. Так, советская историография обычно использовала формулировку «кулацко-эсеровские мятежи», подчеркивая тем самым предполагаемую ключевую роль зажиточных крестьян, с одной стороны, и влияние агитаторов из партии эсеров – с другой¹. В постсоветский период становится возможным говорить о крестьянских восстаниях и о собственной позиции крестьянства в этих конфликтах. Не менее значимым оказалось влияние последовавшей в 1990-е гг. «архивной революции», когда открывшиеся архивы сделали доступными многочисленные материалы по советской истории. Другим существенным фактором развития историографии также стало формирование концепции «крестьянской революции», в рамках которой борьба сельских жителей представляется ключевой движущей силой российской революции, хронологические рамки которой задаются периодом 1902–1922 гг. (Данилов 1996: 4–23). Сформулировавший эту концепцию В.П. Данилов и способствовавший ее развитию и распространению Т. Шанин оказали влияние на большой сегмент отечественной историографии и способствовали появлению исследований целого ряда региональных ученых².

Нельзя не отметить вклад работ Т. Шанина в историографию роли крестьян в революционных потрясениях. В частности, в монографии «Революция как момент истины» (Шанин 1997) автор проводит прямую связь между событиями 1905–1907 и 1917–1922 гг. В то же время важной и логичной хронологической связкой, соединяющей восстания времен Гражданской войны с другими эпохами, для большей части историографии является указание на связь аграрной политики большевиков времен Гражданской войны с развернувшейся с конца 1920-х гг. политикой коллективизации³.

В постсоветские десятилетия многие исследователи, опираясь на новые подходы и источники, задавались вопросами о факторах крестьянских восстаний и предпосылках перехода сельского населения от пассивного сопротивления (см. концепцию «оружия слабых» Дж. Скотта (Scott 1985)) к прямому вооруженному сопротивлению. Эти факторы не всегда связаны исключительно с пресловутым «аграрным вопросом». Например, А.В. Посадский указывал на важность масштабных воинских призывов: *«Зеленые (участники восстаний. – Авт.) выступали как*

вариант повстанческого движения, мотивированного прежде всего извлечением из деревни не продовольственного, а человеческого ресурса» (Посадский 2018: 86). В.Л. Дьячков пришел к выводу о принципиальной роли создавшегося на тамбовщине социально-демографического «мешка», т.е. районов социально-демографической замкнутости, порождавшей повышенную агрессивность как предпосылки Антоновского восстания (Дьячков 2014: 128–141).

В целом современная историография позволяет составить довольно нюансированную картину событий крестьянских выступлений в разных частях страны. Обоснованный Т.В. Осиповой тезис об активном вооруженном протесте крестьян в центральных российских губерниях (а не только на периферии бывшей империи) (Осипова 1996: 90–161) подтверждается материалами многих более поздних исследовательских работ, посвященных крестьянским восстаниям⁴. И все же история крестьянских выступлений времен Гражданской войны сегодня остается изученной очень неравномерно. Так, например, если список исследовательской литературы, посвященной антоновскому восстанию выглядит очень внушительно, то историография Западно-Сибирского восстания заметно более скромна по объему. И это при том, что, как отмечает В.И. Шишкин, *«в конце зимы – начале весны 1921 г. по количеству мятежников Сибирь вышла в советской России на первое место, опередив Орловский военный округ с его знаменитой “антоновщиной” и Петроградский округ, где находился мятежный Кронштадт»* (Шишкин 2011). Как представляется, это связано не только с внутренней логикой развития историографии, но и с представленностью события в публичной сфере (так, Антоновское восстание с советских времен воспринималось в качестве общенационального события) или с формированием «крамок памяти»⁵.

Несмотря на богатство новых источников о крестьянских восстаниях, которые стали доступны исследователям в результате «архивной революции», изначально была ясна принципиальная ограниченность этих собраний документов – в них практически не представлен голос побежденной стороны. Представление событий войны с точки зрения большевиков, по понятным причинам, совершенно преобладало на протяжении всей советской истории. И если первое десятилетие постсоветского периода работа методами устной истории могла дать существенные результаты в фиксации воспоминаний о временах коллективизации или Великой Отечественной войны, то в отношении событий эпохи Гражданской войны воспоминания свидетелей не могли уже играть столь существенной роли. И все же даже в этот момент еще было возможно фиксировать данные, которые способны помочь в понимании механики и характера функционирования крестьянского сообщества в целом, его памяти, касающейся в том числе времен Гражданской вой-

ны. В этом смысле важное место занял исследовательский проект, организованный Т. Шаниным и В.П. Даниловым в 1990–1994 гг., ставший существенным для развития российского крестьяноведения. Этот проект, нацеленный, прежде всего, на сбор устного материала в процессе длительной работы социологов в сельской местности, подразумевал ориентацию на совместную работу социологов и историков и стремился к *«реконструкции истории советского села, опираясь на свидетельства непосредственных участников событий»* (Фадеева, Никулин 2002: 99). Его масштабные и разнообразные результаты продолжают осмысливать до сих пор. В этом смысле характерна статья одного из участников проекта В.Г. Виноградского, изданная в 2017 г. и посвященная изучению характера нарративов пожилых сельских жителей о Гражданской войне на момент 1990–1994 гг. (Виноградский 2017: 70–85).

В то же время поворот к изучению памяти, который можно констатировать в ряде сегментов современного социально-гуманитарного знания, проявился и в работах, касающихся того, в каких условиях и как формировалась и функционировала память о крестьянских восстаниях. Так, из работ последних лет стоит отметить монографию И.Е. Козновой о сталинской эпохе в памяти крестьян, в которой затрагиваются и смежные сюжеты (Кознова 2016). Предпринимаются и попытки осмысления тех «фрамок памяти» о Гражданской войне, которые задавались в разные периоды советской истории⁶. Можно сказать, что данная статья продолжает этот тренд.

О полевом материале

Материалом, на котором основана статья, является массив из более 200 интервью, собранный в 2018 г. в Тамбовской и Тюменской областях⁷. Выбор этих регионов был обусловлен тем, что здесь разворачивались два крупнейших крестьянских восстания времен Гражданской войны: Антоновское (Тамбовское) и Западно-Сибирское (Ишимское). Сопоставление памяти об этих событиях «на местах» особенно интересно в свете уже упоминавшейся диспропорции в их историографическом изучении и публичности.

Основной целью сбора интервью было не получение дополнительной информации о восстаниях, а фиксация состояния памяти и / или забвения о событиях восстаний в разных сообществах и регионах. С этой целью для интервью отбирались те люди, которые в силу своего семейного происхождения, личной истории или служебного положения воспринимают себя или воспринимаются другими как те, кто должен знать что-то о событиях восстаний либо имеют явную отчетливую связь с этими событиями (например, являются потомками свидетелей или участников восстаний). При этом мы стремились к максимальному

разнообразие информантов по возрасту и социальному статусу. Исследователи брали интервью как у историков и работников школ, музеев, библиотек или сельских домов культуры, так и у людей, которые не имели прямого «профессионального» отношения к теме – родственников участников событий, городских и сельских активистов, старожилов. Работа проводилась как в крупных городах – столицах регионов (Тамбов, Тюмень), так и в районных центрах, сельских поселениях, находящихся на охваченных восстаниями территориях⁸.

Интервьюеры работали с воспоминаниями о событиях почти столетней давности. В исследованиях памяти именно рубеж 70–100 лет после события описывается как момент исчезновения социальной памяти и сохранения только памяти культурной⁹. Одной из целей сбора интервью стало изучение на эмпирическом материале того, насколько успешно работает это теоретическое допущение. Хотя в целом данное предположение подтвердилось, нам удалось получить и другие интересные результаты, касающиеся работы и функций социальной памяти на границе ее исчезновения.

В ходе сбора и анализа материалов мы столкнулись с целым рядом вопросов о том, как в разных сообществах современной России происходит сохранение и исчезновение социальной памяти о восстаниях столетней давности и об особенностях темпорального устройства подобных нарративов. При первичном анализе массива интервью мы задались вопросом о том, каким образом и почему при разговоре о событиях крестьянских восстаний начала 1920-х гг. респонденты самостоятельно переходили к описанию событий другого временного периода.

В данной статье будет предпринята попытка описания и типологизации способов такого перехода. Мы будем говорить о непреднамеренном и не заданном общим ходом интервью (а тем более вопросом интервьюера) переходе респондента на события других эпох, чем та, которая задается интервьюером как основная (в нашем случае – время крестьянских восстаний периода Гражданской войны). Мы полагаем, что такая рекурсивная структура нарратива не является дефектом работы интервьюеров или ошибкой выборки, а имеет собственную ценность, которая сама по себе может дать нам информацию о работе исторической памяти.

Историческое время и время памяти

Исследовательница памяти Я. Зерубавель подчеркивает неизбежность совмещения различных исторических событий в рамках коммеморативного нарратива. Зерубавель отмечает, что такая повествовательная конструкция систематизирует представления общества о прошлом: *«Исторические события сдвигаются, уплотняются, дополня-*

ются новыми деталями или, наоборот, опускаются, иным же из них придается преувеличенное значение» (Зерубавель 2011: 20). В результате этого процесса, как утверждает исследовательница, *«историческое время в рассказе трансформируется в коммеморативное время – время памяти»* (20). Отмечая продуктивную роль актов коммеморации в отдельных сообществах, Зерубавель, тем не менее, скорее, отождествляет «коллективную память» с «национальной памятью».

Дж. Олик и Дж. Роббинс указали на напряжение между гомогенизирующим свойством понятия «коллективная память» и необходимостью внимания к разнообразию способов влияния социальных групп на представления индивидов о прошлом. Исследователи предложили рассматривать *«отдельные наборы мнемонических практик в различных социальных контекстах»* вместо *«коллективной памяти как сущности»* (Olick, Robbins 1998: 112). В ходе планирования и проведения полевой работы (как и в ходе написания этой статьи) мы опирались именно на подобное понимание коллективной памяти. Рассказы наших респондентов рассматриваются нами как важные источники, позволяющие определить границы и механики передачи памяти о крестьянских восстаниях, а не через призму противопоставления официальным нарративам. В этом смысле для нас были одинаково ценными как указания на рассказы, услышанные в кругу семьи, так и отсылки к школьной программе. Выделение подобных источников и исследование взаимоналожений связанных с ними нарративов представляются нам наиболее продуктивным способом исследования различных рамок памяти о восстании и одновременно – возможностью сохранить сложность картины этой памяти.

Эта оптика определила для нас и способы исследования категорий времени в собранном материале. По Зерубавель, исследование коллективной памяти о том или ином событии требует изучения актов коммеморации *«в их связи с другими значимыми событиями в прошлом данного социума»* (Зерубавель 2011: 16). Не претендуя на реконструкцию всего исторического воображения наших респондентов, в этой статье мы обратим внимание на ситуации, когда они самостоятельно сближают различные события, и постараемся выделить основные типы такого сближения. Говоря словами Зерубавель, такие способы обращения с историческими событиями мы будем рассматривать как риторические приемы, при помощи которых конструируется коммеморативное время.

Механизмы темпорального перехода

Рассказ о событиях Гражданской войны в устах наших респондентов крайне редко ограничивался именно этими событиями. Как правило, он сопровождался многочисленными отсылками и сравнениями с событиями и явлениями других эпох. Например:

Вопрос: А вот остальные, которые остались – и ваши дед, и друзья – они, получается... Какая политика, что ли, или идеология у них там была? То есть, они не поддерживали ни тех и ни других, и в интересах именно Королёва? То есть, получается, ни повстанцы и ни беляки, ни красные, никто?

Ответ: Я деду спрашивал, я говорю: «Вот ты прошёл мировую войну и был там, в Европе, с какими мыслями там, что?» «А мы, – говорит, – не думали ни о чём. Мы думали, как прийти, тем более, что я был раненый, мне нужно было просто-напросто выжить. Я доехал до дому. Выжил. Вылечился». Ну, не совсем вылечился, он до самой смерти своей... он был ранен в плечо в этом месте, но рука не поднималась вообще¹⁰.

Или же:

Ответ: [...] Ишин, вот про которого я говорил, главный комиссар Антоновской армии, он пользовался таким авторитетом, такой жестокостью, что он и диктовал Антонову: что, как, когда. Я читал, что-то такое про этого Ишина, какой он был богатый, как он деньги давал. Дал деньги в рост... Это как вот ипотека.

Вопрос: А, своим людям давал?

Ответ: Он давал всем. Как ипотека, от двенадцати процентов и выше. Один товарищ ещё вот тут вот купил машину, в кредит, он уже за две машины заплатил¹¹.

Говоря о темпоральных переходах в речи наших респондентов, важно подчеркнуть, что мы рассматриваем в качестве таковых только те ситуации, когда человек самостоятельно (без участия интервьюера) переходит от рассказа об одном периоде времени к другому. В нашем случае центральной темой разговора всегда был период начала 1920-х гг. – эпохи крестьянских восстаний. Отвечая на вопросы интервьюера, респонденты свободно меняли темпоральность рассказа, переходя как к другим событиям XX в., так и к событиям XIX, XVIII и даже более ранних веков, к Афганской и Чеченской войнам и современности.

Мы предлагаем описывать подобные ситуации как особый способ существования памяти на границе исчезновения социальной памяти и замещения ее культурной. Респонденты по разным причинам не выстраивают рассказ о событии (и не осмысляют его) в линейной перспективе. События в нарративе смешиваются, образуя временные арки, т.е. семантические пространства соединения между разными временными пластами, в которых приписываемый событиям смысл и схожее эмоциональное восприятие соединяют их в единые конструкции. В подобных временных арках существующие у респондента «культурные воспоминания» или личный социальный опыт замещают или дополняют образы, связанные непосредственно с событиями восстаний. В ходе анализа материала мы выявили три механизма темпорального перехода – аналогия, сопряжение и замещение.

Аналогия

Наиболее типичная модель перехода между событиями в речи наших респондентов может быть описана как аналогия. В подобном случае говорящий делает акцент на схожести между двумя различными событиями, их аналогичной природе. Зачастую апелляция к другому историческому событию позволяет респонденту прояснить для себя и собеседника смысл того события, которому посвящен разговор.

Аналогия – вполне привычная и понятная модель обращения с временем, знакомая, в том числе, по учебным и историческим текстам. Хорошим примером здесь может служить рефлексия одной из респонденток о том, как она представляет Антоновское восстание на уроках истории в школе:

*Я придерживалась середины, я не старалась никакую сторону объяснять. Я просто говорила, что это руководитель крестьянского восстания, и я про это (...?) как Пугачёв. Правильно, неправильно, я не знаю, а я вот так говорила, такой же, как и Пугачёв. Он тоже поднял восстание, потерпело поражение это восстание. Хотел какие-то, наверное, свои идеи воплотить в жизнь, но не получилось. Я им ничего никогда не говорю такого...*¹²

На основе всего корпуса интервью можно выделить несколько периодов и тем, которые связываются респондентами с крестьянскими восстаниями 1920-х гг. по принципу аналогии. Среди событий, к которым обращаются респонденты, есть не только те, которые связаны с их личным опытом, но и те, что имели место значительно раньше, чем крестьянские восстания времён Гражданской войны.

Наиболее ранними образами являются дореволюционные крестьянские и казацкие восстания. В первую очередь респонденты вспоминают о фигурах Стеньки Разина и Емельяна Пугачева (как в приведенном выше примере из интервью учительницы из Уваровского района Тамбовской области). Интересно, что подобные параллели проводили исключительно респонденты из Тамбовской области – аналогия проводится по личности яркого лидера восстания: Антонов либо ставится в одну линию с Разиным и Пугачевым (что, вероятно, не обрадовало бы авторов советских учебников истории), либо оказывается по другую сторону «народности»:

*Что это народное восстание, а не просто восстание какой-то там личности, некой харизматичной личности, которая под себя потом подобрала каких-то... Ну, вот Разин, Пугачёв, вот это всё. Это вопрос такой, что это... Да, там было много людей лидеров, историки спорят ещё до сих пор, кто имел большее влияние. Потому что некоторые считают, что там Токмаков, например, а отнюдь даже не Антонов*¹³.

Среди событий, предшествовавших восстаниям, респонденты вспоминают также события крестьянских выступлений 1905 г. Этот сюжет встречается у немногих респондентов-краеведов преимущественно из тамбовской области, где корни восстания ищут в дореволюционной эпохе.

Парадоксальным образом в речи респондентов практически не встречаются отрефлексированные сопоставления событий восстаний с коллективизацией – как представляется, для этого периода действуют иные механизмы темпорального перехода. О них мы скажем ниже.

В то же время политические репрессии второй половины 1930-х гг. становятся частым объектом для аналогий. Особенно регулярно к теме репрессий обращаются сотрудники музеев и профессиональные историки. При этом есть существенные региональные различия. В Тамбовском материале прослеживается тенденция к разделению двух явлений:

Крестьянские восстания всплывают в этом контексте [дня памяти жертв политических репрессий], но, к сожалению, приходится концентрироваться на сталинских репрессиях. Потому что немногие даже сейчас готовы признаться и выступить с рассказом о том, что они потомки пострадавших «антоновцев», или даже потомки тамбовских крестьян. Этот страх, он до сих пор сидит, и немногие рискнут признаться, что они потомки «антоновцев», очень немногие¹⁴.

В Тюменской области респонденты скорее были склонны указывать на их преемственность (но не тождественность!):

По словам уже его внука, [он,] значит, никого не убивал <...> Тем не менее, он был осужден после того, как восстание было подавлено, за участие в карательных экспедициях. Так большевики называли, значит, своих противников за их дела против большевиков, действия, за участие в карательных экспедициях. Он был осужден в 22-м году на семь лет. В 29-м он вышел, значит, устроился на работу, обзавёлся семьёй, продолжал обычную деятельность, уже в политику не вникал. Но в 37-м году он повторно был по этому же делу осужден и расстрелян. Он как бы жертва репрессий стал уже в период Большого террора, вот. <...> Ну, в основном люди обращаются, значит, обнаружив родственников своих, которые были расстреляны 37-й–38-й год, вот, за 21-й мало. Но, в принципе, многие из этих обращений, там, видно было, что люди были расстреляны именно за участие ещё в 20-е годы в восстаниях, вот¹⁵.

Особенно частым объектом для сопоставлений становятся образы и события из истории Великой Отечественной войны. Например, вакуум власти, междоусобица и масштабы насилия сближают, с точки зрения некоторых респондентов, ситуацию на оккупированных войсками Германии и ее союзников советских землях и охваченные восстанием тамбовские волости начала 1920-х гг. Сотрудник художественной школы в Тамбове считает, что разобщенность во время Гражданской войны похожа на конфликты эпохи войны, писатель-краевед из Тамбова называ-

ет подавление восстания красноармейцами «оккупацией», а учитель из Инжавинского района Тамбовской области сравнивает антоновцев с фашистами. Сравнения с оккупированными территориями довольно редки, но сам факт их наличия примечателен – ни земли Тамбовщины ни, тем более, Западной Сибири не были захвачены немцами или их союзниками. Другой аналогией становятся женщины-лидеры, немало-численные и среди партизанского движения, и среди восставших. Наконец, чрезвычайно распространено в интервью сравнение поминовения героев войны и состояния памяти о восстаниях (не в пользу последнего, разумеется).

Довольно неожиданной аналогией восстаниям становится новочеркасский расстрел 1962 г. Жесткие действия властей по отношению к восставшим крестьянам ассоциируются у ряда респондентов с событиями в Новочеркаске. При этом аналогии находят как в предпосылках восстания и демонстрации, так и в самих расстрелах.

Надо искать точку, где может власть остановиться, чтобы не довести дело до гражданской войны... Найти такую точку, как бы показать, что да, вот тут бы надо было исправиться, остановиться, тогда вот этого бы не было. Это вот как Новочеркасск, 62-й год <...>. Ну, вот не поднимите вы в этот день цены, вы дождитесь хотя бы, ну, по два, по три процента, ну, не все сорок сразу. Не было бы этого события¹⁶.

Личный опыт респондентов представлен аналогиями из событий перестройки, 1990-х гг. и современности – именно поэтому эти события вспоминают наиболее часто. Интервьюируемые неожиданно вспоминают героев (и антигероев) теленовостей – чету Скрипалей, полковника Юрия Буданова, Владимира Путина, Бориса Ельцина. Хотя большая часть сопоставлений касается бытовых вопросов и условий жизни, в некоторых случаях события восстания столетней давности вводятся в современный политический дискурс:

Вот голод. Что делать? Им есть надо. А люди тёмные, наверно, давайте мы возьмём. Эти не дают, ну, как вот быть? Я тоже не знаю. Поэтому государство – это очень важная вещь. Регулирование процессов между людьми. Самое главное, которое вообще может быть и самое эффективное. Средства массовой информации, они должны быть объективными. Наш президент, дай Бог ему здоровья, думаю, как он вообще выживает¹⁷.

Особняком стоит сопоставление братоубийственных войн – Гражданской и событий на Украине после 2014 г. Это сравнение предлагается во множестве интервью, а учитель истории из Тамбовской области даже обсуждает такую аналогию с учениками:

Вообще конечно, хотелось бы <...> Чтобы на нее [эту тему] больше обратили внимание <...> Когда люди одной национальности, из одной семьи друг друга ненавидят и убивают, конечно, очень не хочется, чтобы это повторилось. И, конечно, они [школьники] должны это понимать. Поэтому, может быть, мы про Украину и говорим¹⁸.

В другом интервью наряду с аналогией с другими войнами выстраивается определенная иерархия между ними: события восстаний оказываются слишком отдаленными по времени в ситуации, когда еще не вполне осмыслены более недавние войны:

У нас много событий, много событий, которые требуют тоже осмысления, осмысления. Ну, начнём, вот конфликт с Украиной, война в Сирии, война в Афганистане, война в Чечне, понимаете, война, война, война. И до той, крестьянской, войны уже как-то далеко стало, понимаете. Вот новые события заслоняют исторические те явления¹⁹.

В целом можно отметить, что респонденты из тамбовской области намного свободней проводили аналогии, чем жители территорий, на которых происходило Западно-Сибирское восстание. Видимо, немалую роль играет большая публичность (и, следовательно, политизация) темы Антоновского восстания. В ходе многочисленных публичных обсуждений тамбовский бунт оказался намного тесней интегрирован в российский исторический контекст и современность.

Сопряжение

Другую форму сочетания различных временных пластов мы предлагаем называть сопряжением. По своей внутренней механике оно может показаться близким к аналогии. Но в отличие от нее в основе сопряжения лежит не последовательно подчеркиваемая схожесть между двумя временными пластами или фигурами из разных эпох, а существенное совпадение ситуации, эмоций, переживаний, связанных с двумя темпоральными областями. Кроме того, в отличие от аналогии, которая использует самый широкий спектр времен, здесь речь идет о гораздо более узком временном диапазоне.

Нередко в ходе интервью респонденты начинали делиться семейными или сельскими преданиями, которые ассоциируются у них с событиями восстаний. Однако при детальном разборе становилось очевидно, что происхождение этих преданий может не иметь отношения к началу 1920-х гг. Некоторые из них действительно восходят к восстаниям, другие – к коллективизации, третьим трудно найти четкую привязку во времени. Объединяет их то, что такие предания являются своего рода обобщенным опытом выживания в период нестабильной власти, голода и / или репрессий. Именно это привязывает те или иные ис-

тории то к восстанию, то к коллективизации, то к войне или же ко всем событиям сразу.

В интервью воспроизводство таких преданий создавало ситуацию смещения времен – начав рассказывать о восстании, респондент легко переходил к ситуации середины 1920-х гг. или коллективизации. Иногда респонденты даже подменяли один рассказ другим, не осознавая этого:

Вопрос: Получается, ваш прадед участвовал в восстании, да?

Ответ: Да. Дед, наверно, тоже участвовал. Про него как-то мать не рассказывала, но он уехал, завербовался на Урале. В то время было, когда прадеда арестовали, а дед был на Урале. И поэтому не попал под раздачу.

Вопрос: А когда прадеда арестовали?

Ответ: О, вот насчёт даты это уже у меня...

Вопрос: Ну примерно в какое время.

Ответ: Это уже, наверно, в тридцатые годы где-то²⁰.

Как отметила одна из интервьюеров, М. Байдуж, в рассказах респондентов из Аромашевского и Голышмановского районов Тюменской области границы «смешанных» времен шире и доходят до быта периода Второй мировой войны. Например, для респонденток из деревни Смородиновка Аромашевского района весь довоенный период стал временем скитаний и лишений, отдельные события в интервью с ними датировать практически невозможно²¹.

В рамках болезненного опыта, зафиксированного в преданиях, история Гражданской войны, коллективизации и поздних 1930-х становится единым бедствием, постигшим семьи респондентов. Ярким примером такого отношения ко времени и к истории можно назвать фрагмент из интервью с работником художественной школы в Тамбове:

...мы были зажиточные: вот своя мельница была, дом большой. Мукомольный... Но так как деревень мало, вот эта мельница у него была на несколько деревень, приезжали молоть муку. Революция в 17-м году, в деревню она пришла не в 17-м, а позже, когда стали собираться вот эти банды всякие, «Антоновщина» через нас проходила... Так, в каком году... я уже сейчас не помню. Семья деда была большая – семь человек, чтобы под раскулачивание не попасть, он большую часть отдал своим детям, и в колхоз отдал, когда стали собирать колхоз. Он всё, что у него... ну, по мере того... Он передал в колхоз. <...> Вот, передал в колхоз. А вот сколько он там... в каком году... <...> Здесь вот «Антоновщина»... Из наших деревень сгоняли... или коммунисты, или «белые», в армию. Но дед, так как был старый, у него... Мой отец был самый маленький, ему было четырнадцать лет. Они жили с бабушкой. Они жили, и деда забрали на подразверстку. И они ездили по деревням... Ну, ему сказали ехать, и они поехали. Так как у него была лошадь своя, и они поехали. Ну, по деревням они ездили... <...> На них они [Антоновцы] напали, и отобрали всё. А так как отец был из деревни... который в банде Антонова служил, он узнал деда. Говорит: «Надо его расстре-

лять, потому что он придет, и скажет, что я был у вас». И вот их там несколько человек расстреляли. Там памятник ещё был, до Перестройки целый, в Юрловке, что там вот их...²²

Как мы видим из приведенного фрагмента, дед респондентки погиб еще во время событий Антоновского восстания, и, следовательно, никак не мог принимать участие в событиях коллективизации. В данном случае респондентка, по-видимому, либо смешивает события разных временных периодов (Гражданскую войну и коллективизацию), либо соединяет категории, относящиеся к разным эпохам (продразверстка и раскулачивание), либо делает и то и другое.

Подобного рода истории группируются вокруг нескольких устойчивых мотивов.

Одним из главных мотивов является незаконное обогащение и грабеж в пределах одной деревни. Упоминается, что «изъятые» при помощи силы у крестьян ценности вдруг оказывались во владении других крестьян. Классический пример – «бабушкина шубка на дочке председателя сельсовета»²³. Этот мотив, как правило, воспроизводился респондентами даже без привязки к конкретным родственникам. Другим важным мотивом, отсылающим к этим обстоятельствам, является нарратив о навыках тайного владения ценностями и ведения хозяйства. Так, один из респондентов, житель Москвы с тамбовскими корнями поделился с интервьюерами своим знанием о том, как зарезать свинью «втихую», чтобы не услышали соседи. Как он сам отмечает, происхождение предания сложно понять – то ли оно относится к началу 1920-х гг., то ли – к периоду коллективизации²⁴.

Ситуация внутреннего конфликта и систематического насилия породила предания о массовом исчезновении людей и опустении деревень. Респонденты нередко приводят примеры подобного рода, смешивая коллективизацию и период восстания. То участников восстания отправляют «на Соловки»²⁵, то крестьян-кулаков забирают в отряды на продразверстку²⁶.

С подавлением крестьянских восстаний 1920-х гг. мир на этих территориях не наступил. Нередко небольшие вооруженные отряды продолжали действовать на протяжении месяцев и даже лет. Опыт противостояния «бандам» пересказывается респондентами из разных сел. При этом их рассказы очень похожи. Бандиты грабят сёла и путников, проходя по улицам деревень и собирая «дань», выставленную на порог²⁷. Бандиты отброшены селянами благодаря хитрым уловкам безоружных крестьян²⁸. Бандиты грабят церкви²⁹. При этом не всегда возможно установить, о каких именно эпизодах идет речь и не произошла ли смена или смешение разных сил, которые воспринимались местными жителями как внешние (здесь одинаково «внешними» могли оказаться красногвардейцы, колчаковцы или отряды крестьян из других сел).

Наиболее существенными в таких воспоминаниях нередко оказываются не политические дихотомии «красные–белые», «восставшие–представители советской власти», а именно дихотомия локальная, географическая: «местные–пришлые». Так, из рассказов родителей респондентка из Голышмановского района Тюменской области передает интервьюеру только факт укрывания мужчин в лесах, а женщин и детей – в подвалах, и напрочь игнорирует вопрос о том, от кого прятались:

Вопрос родственницы респондента: ...Вот, баба, ты родилась когда – папа-мама твои что-то рассказывали тебе?

Уточнение другой родственницы: Про Гражданскую войну, она с 24-ого... Мама, ты вспомни, как бабы-то сидели в погребе, в ящике... ну одежду раньше хранили, скобяные ящики.

Ответ: Мама с маленьким ребёнком – и сидели в погребе. Ещё и тётя, папина сестра, вот их втроём. Подойдут к погребу: «Вылазь, хозяйка, ставь самовар, мы же (...?)». Маленький ребёнок – в погребе на ящике, клали котомки-то. На этом ящике, говорит, сидели. Уж не знаю, сколь они суток там были, и как там маленький не простудился.

Вопрос: Они прятались от того, что эти белогвардейцы, ага, баба?

Ответ: А мужики были в лесу, в согре³⁰.

В дальнейшем респондентка так и не называет тех, от кого прятались – в ее нарративе значение имеет именно средство сопротивления бедствию, а не его причина.

В интервью с профессиональными историками и журналистами период насилия по отношению к деревне в 1920–1940-х гг. часто становится предметом рефлексии:

...Не очень-то бережно относились к этой области, коль она вот когда-то дала такое мощное крестьянское восстание, Антоновское движение, поэтому, может быть. Это тоже факт. Поэтому так получается. Поэтому у нас Героев, вроде бы двести Героев Советского Союза дала Тамбовская область, ну, если мы возьмём те области и территории, которые от нас были отрезаны, то мы дали около четырёхсот. Это же разница³¹.

Представленный в этом интервью нарратив подчеркивает особые качества тамбовчан, их умение сопротивляться внешним обстоятельствам и связывается с политикой подавления, осуществляемой в отношении этого региона. В этом же контексте прослеживается связь между указанными и более поздними событиями:

Но события, опять же, показали, что мы умеем генерировать, мы умеем возрождаться, мы умеем вставать на ноги. И вот хотя бы факты того, как мы неплохо, наверно, проявляли себя в Афганской войне. Опять же, к ней по-разному можно относиться, как к событиям в той же Чечне, Первой и Второй Чеченской войне и так далее³².

В другом интервью действия власти по подавлению крестьянского восстания встраиваются в длинный ряд притеснений, которым подвергалась деревня в разные исторические периоды:

Наоборот, всё брали, брали, всегда брали из деревень. И в эпоху крестьянского восстания забрать хотели, и в эпоху Хрущёва забрать хотели, ничего не отдавали. Вот и пришло время, когда оскудели деревни. Ну, нет людей там. ...В итоге вон и город скудеет тоже. Ну, раньше, возьмите, все личности – из деревни, что Герой Советского Союза, что Герой Соцтруда. Вот она и оскудела, деревня. Когда это началось... и в царское время тоже уничтожали деревню, и советская власть. А уж что сделала новая демократическая власть с деревней, она и с городом сделала. Ни заводов нет, ни работы нет³³.

Замещение

В некоторых случаях респонденты игнорировали вопросы интервьюера и отвечали на них историями, не имеющими прямого отношения к теме беседы, подразумеваемой им. Со стороны сложно найти связь между новым нарративом и заданной темой разговора, тем не менее, чаще всего ее можно проследить на семантическом уровне. Новый нарратив оказывался для респондента более значимым, чем предлагаемая тема беседы. Почти всегда смена нарратива означала резкое смещение во времени, о котором идет рассказ.

Мы говорим о замещении в случаях, когда респондент при ответе на вопрос сразу переключается на тему, отличную от заданной интервьюером. Этим замещение принципиально отличается от аналогии, которая предполагает аналитическое сравнение отдельных аспектов событий прошлого, и от сопряжения – неосознанного сопоставления по принципу схожести эмоционального опыта. Замещение постоянно в отличие от аналогии или сопряжения. По аналогии и сопряжению разные периоды и события могут связываться в одном интервью. Эти принципы создают фрагментарную картину события, охватывают его отдельные стороны. Замещение всегда очень цельно и полностью вытесняет предложенные темы для беседы.

Замещающий нарратив можно описать как своего рода фарватер памяти, мощный поток, который захватывает респондента, о чем бы он ни рассказывал. Он ценен для говорящего, так как это именно та история, которую он может и должен транслировать собеседнику. В данной истории сконцентрирован значимый аспект его жизни, жизни сообщества (семьи, прихода) или страны. Замещение позволяет лучше разобраться в тех «рамках памяти», которые действуют в том или ином сообществе, группе, а значит, оказывают влияние и на других респондентов.

Наиболее распространенным проявлением этого механизма является использование военного нарратива. История Великой Отечественной

войны и ее связь с деревней зачастую в самом прямом смысле заслоняет собой всю прочую историю XX в.: военные памятники становятся единственным местом коммеморации, перенимая эти функции у кладбищ и монументов, событиям Гражданской войны. Тем не менее большинство респондентов довольно четко отделяют события первой половины 1940-х гг. от всех прочих. Немотивированный переход от истории восстания (или других эпизодов Гражданской войны в семейной истории) к истории военных лет встречается, как правило, в интервью с ветеранами – людьми, привыкшими за десятилетия рассказывать одну неизменную историю и видящими в этом свой главный социальный долг. Но такие переходы встречались и в речи других, более молодых респондентов.

Вопрос: С Гражданской войной? А что связано с Гражданской?..

Ответ: Ну, там вот у моей бабушки много было детей, родственников. Вот кто-то погиб от рук колчаковцев, там разные были эпизоды в жизни.

Вопрос: Бабушка вспоминала об этом?

Ответ: Да, да, да-да-да. <...> Интересные, в общем, там события были. И вот, значит, отец учился до войны на зоотехника. Но началась война, он не успел закончить техникум. Его отправили в училище связи красnojарское в 42-м году, связи. Не успел он закончить это училище, оно-то ускоренное было, курс, а тут Сталинградская битва началась. Им не дали даже лейтенантов, не дали закончить, и сержантами отправили под Сталинград. Вот он под Сталинградом, много рассказывал, был, медаль у него была «За боевые заслуги» как раз за Сталинград, там ещё что-то, связистом был, вот³⁴.

Представитель одной из районных ветеранских организаций Тюменской области вдруг перемещается от восстания к похоронам сына Сталина, на которые был приглашен лично:

У нас чтобы бунт крестьяне, никогда не было в Абатском районе. Я одну деталь упустил. У Сталина 3 сына было. Николай, пьянчужка. Яков, на которого говорил, что он генералов на солдат... И Василий. Василий у нас в армии воздушной, он со стороны Китая был. Он командир дивизии был, генерал-майор. <...> Я был на похоронах у него. Меня пригласили. Он похоронен в Казани. Но дурость Хрущёва перешигнула всё. Он был прекрасный лётчик. Потом ему не разрешили летать и отправили на авиазавод в Казань. Он там работал. У него с сердцем было плохо, он умер там. Мне приглашение было. Он говорил, что в Сибири вот такой-то есть. Я ездил на похороны³⁵.

Интересно, что в качестве основы для замещающего нарратива может использоваться и более ранняя (по отношению к крестьянским восстаниям) семейная история.

Вопрос: Когда вы узнали вообще, что были, были крупные восстания в регионе против советской власти?

Ответ: Ну, это только я знаю о истории, больше... сам лично, я 38-го года рождения, мне уже восемьдесят лет, поэтому я о восстании и не знаю. Родственники мне тоже никто не говорил, поэтому о восстании я не... Ну, так только, историю знаю, конечно, что такое мероприятие /улыбается/ было в Тюменской области, вот. А лично или родственники у меня никто этим не занимался и... <...> Вот мой дед 1884 года рождения, в Тобольске родился, так, 1884 года рождения. Теперь... они, он окончил, и брат его вот помладше, они, значит, это, мама их отправила в Томск в коммерческое училище после гимназии. Они поехали оба брата, окончили там этот, коммерческое училище, приехали и здесь работали. Брат его, Михаил, работал в Торговом доме здесь, в Тобольске. А мой этот, дед, у своей мамы в магазине работал. Она купеческая дочь, у ней был свой магазин здесь, в Тобольске³⁶.

Замещающий нарратив может строиться не только на историях о конкретных событиях, но и на более широких основаниях, таких как культурная или конфессиональная идентичность. Для сибирских татар, традиционно проживающих в Тюменском регионе, в качестве такой идентичности может выступать конфессиональная. Представители национальных общин, в основном утратившие память о восстании, склонны переходить с темы восстания на этнокультурные особенности диаспоры.

Нет-нет, нет, не притесняли. Ну, и белые, я думаю, сильно не притесняли, ну, если не воевал никто, дак... Потому что, ну, мусульмане, они сильно религиозные же были. Убивать, убивать, это категорически запрещено было. Потому что Бог, это, в Коране говорит, вот здесь вот, я читаю Коран, в Коране говорит: если вы убьёте одного мусульманина, или христианина, или иудея, всё равно они мусульмане, то считайте, вы убили весь мир. Вот так вот говорится. И одного мусульманина убили, значит, убили весь мир³⁷.

Функции механизма темпорального перехода

Предложенная выше классификация позволяет продемонстрировать, что темпоральный переход имеет разные причины. При этом мы утверждаем не замкнутость каждого из трех механизмов, предложенных в рамках этой классификации (напротив, они вполне могут сосуществовать внутри одного нарратива), а именно различие их причин. Это и стремление человека говорить о наиболее важных и знакомых ему сюжетах, и попытка актуализировать описываемые события через проведение аналогий с другими темпоральными пластами (особенно более близкими и знакомыми говорящим), и необходимость передать важные для респондента ассоциации и переживания, связанные с ха-

рактистикой того события, которое является ключевым для беседы (например, крестьянские восстания – как связанные со страданием, насилием, потерями события).

Разговор о типах темпорального перехода интересен не только для лучшего понимания действующих в сообществах рамок памяти, но и для общего понимания ситуации исчезновения социальной памяти об историческом событии. Его анализ потенциально может позволить лучше понять то место, которое занимала (полу)исчезнувшая социальная память. Например, переход к героическим или трагическим эпизодам может служить своеобразным следом того, какими были существовавшие ранее рамки памяти о событии. Основная сложность состоит в том, чтобы отделить воздействие ныне действующих рамок памяти от следов более ранних. И здесь особенный смысл и перспективы приобретает исследование как официальных, так и вернакулярных практик прошлого, распространенных ранее нарративов, которые позволяют нам понять нюансы рамок памяти прошлого и обнаружить их следы в современности. Впрочем, кажется продуктивным делать это, постоянно возвращаясь к современным нарративам и практикам и сравнивая их с тем, что возможно реконструировать из более ранних периодов. Подобное динамическое исследование может позволить выделить следы прежних рамок памяти и их влияния на нынешнее положение дел.

Различные способы смешения и смещения времен можно рассматривать как механизмы осмысления прошлого в ситуации, когда социальная память о нем находится на грани исчезновения, но само событие еще может быть выделено в качестве отдельного и достаточно существенного. В этом смысле различные способы сочленения событий позволяют, с одной стороны, вписать крестьянские восстание в более широкий исторический горизонт и с другой – восполнить неизбежную неполноту памяти о Гражданской войне при помощи обращения к другим эпохам.

Примечания

¹ В этом советская историография следовала за определениями характера восстаний, данными В.И. Лениным (например, в речи на митинге в Политехническом музее 23 августа 1918) и закрепленными в «Кратком курсе истории ВКП(б)» И.В. Сталина – «Вспыхнули организованные белогвардейцами и эсерами кулацкие мятежи в Сибири, на Украине, в Тамбовской губернии (антоновщина)» (История 1945: 237–238).

² Об этом см.: (Кондрашин 2008: 88).

³ См. например, (Грациози 2001).

⁴ См., например, (Аптекарь 2002; Кондрашин 2001; Посадский 2018; Соколов 2017).

⁵ Здесь и далее «рамки памяти» понимаются в соответствии с концепцией М. Хальбвакса (Хальбвакс 2007).

⁶ См., например, (Нарский 2004: 394–412).

⁷ Интервью, на анализе которых основана данная работа, были собраны в 2018 г. в рамках Проекта Фонда президентских грантов для НКО № 17-2-012905 «Сохранение исто-

рической памяти о крестьянских восстаниях 20-х годов XX века как способ достижения гражданского мира: цифровая и перформативная перспективы» (Руководитель Соколова А.Д. Сроки выполнения: 2017–2018 гг.). Собранные в ходе проекта интервью были опубликованы на портале www.warandpeasant.ru. Проект носил просветительский характер и не предполагал научного анализа собранного материала.

⁸ Авторы статьи выражают благодарность интервьюерам за их прекрасную работу: Байдуз М., Гардеру М., Доронину Д., Ключевой В., Козловой А., Лискевич Н., Лискевич А., Мироновой Е., Мустафиной Р., Пртавян А., Рачевой Е., Штейнбергу И.

⁹ И то и другое мы понимаем в данном случае в соответствии с определением А. Ассман (Ассман 2014: 31–33).

¹⁰ М., ок. 70 лет, преподаватель. Голышмановский район Тюменской области.

¹¹ М., ок. 70 лет, религиозный лидер. Тамбовская область.

¹² Ж., ок. 50 лет, учитель. Тамбовская область.

¹³ М., 52 года, предприниматель. Тамбов.

¹⁴ М., 48 лет, журналист. Тамбов.

¹⁵ М., 32 года, историк. Тюменская область.

¹⁶ Ж., ок. 60 лет, историк. Тюменская область.

¹⁷ Ж., ок. 55 лет, сотрудник библиотеки. Тамбовская область.

¹⁸ Ж., ок. 50 лет, учитель истории. Жердевский район, Тамбовская область.

¹⁹ Ж., ок. 70 лет, журналист, пенсионер. Тамбов.

²⁰ М., 47 лет, сторож. Аромашевский район Тюменской области.

²¹ Женщины, 70 и 90 лет. Смородиновка, Аромашевский район Тюменской области.

²² Ж., ок. 70 лет. Тамбовская область.

²³ Ж., ок. 60 лет. Жердевский район, Тамбовская область.

²⁴ М., ок. 30 лет. Москва.

²⁵ М., ок. 70 лет. Тамбовская область.

²⁶ Ж., ок. 70 лет. Тамбовская область.

²⁷ Ж., ок. 70 лет. Жердевский район, Тамбовская область.

²⁸ Ж., ок. 50 лет, учитель истории. Жердевский район, Тамбовская область.

²⁹ Ж. ок 60 лет, Жердевский район, Тамбовская область.

³⁰ Ж., 71 год, доярка. Голышмановский район Тюменской области.

³¹ М., ок. 70 лет, преподаватель истории, пенсионер. Уваровский район Тамбовской области.

³² М., ок. 70 лет, преподаватель истории, пенсионер. Уваровский район Тамбовской области.

³³ Ж., ок. 70 лет, журналист, пенсионер. Тамбов.

³⁴ М., 64 года, преподаватель, пенсионер. Жердевский район Тамбовской области.

³⁵ М., 90 лет, ветеран войны, общественный и партийный работник. Абатский район Тюменской области.

³⁶ М., 80 лет, собиратель семейной истории. Тобольский район Тюменской области.

³⁷ М., 70 лет, мулла. Тюменская область.

Литература

Аптекарь П.А. Сопротивление крестьян политике большевиков 1918–1922 гг.: по материалам европейских губерний РСФСР: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.

Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Виноградский В.Г. Крестьяне и гражданская война: дискурс новеллистики // Крестьяноведение. 2017. Т. 2, № 4. С. 70–85.

Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 / пер. с англ. Л.Ю. Панфиной. М.: Росспэн, 2001.

- Данилов В.П. Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть. Москва-Тамбов, 1996. С. 4–23.
- Дьячков В.Л. Природно- и социально-демографические факторы роста крестьянской агрессии в первой трети XX века (Тамбовский случай) // История и современность. 2014. № 1 (19). С. 128–141.
- Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти: сб. ст. М.: Новое издательство, 2011.
- История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Краткий курс. М.: Госполитиздат, 1945.
- Кознова И.Е. Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. М.: Политическая энциклопедия, 2016.
- Кондрашин В.В. «Крестьянская революция в России 1902–1922»: научный проект и научная концепция (предварительные заметки) // Уральский исторический вестник. 2008. № 2 (19). С. 85–89.
- Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. М.: Янус-К., 2001.
- Нарский И.В. Конструирование мифа о гражданской войне и особенности национального забывания на Урале в 1917–1922 гг. // Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск: Каменный пояс, 2004. С. 394–412.
- Осипова Т.В. Крестьянский фронт в Гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М.: РГГУ, 1996. С. 90–161.
- Посадский А.В. Зеленое движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918–1922. М.: Центрполиграф, 2018.
- Соколов К.И. Пламя над Волгой. Крестьянские восстания и выступления в тверской губернии в конце 1917–1922 гг. М.: Центрполиграф, 2017.
- Фадеева О., Никулин А. Исследования и исследователи: замыслы, проекты, результаты, люди (1990–2001) // Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследования сельской России / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН, Росспэн, 2002.
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.
- Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. – 1917–1922 гг. / пер. с англ. Е.М. Ковалев. М.: Весь Мир, 1997.
- Шишкин В.И. Вооруженное сопротивление сибирского крестьянства коммунистическому режиму в начале 1920-х годов // История сталинизма: крестьянство и власть: материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 29 сентября – 2 октября 2010 г.). М.: РОССПЭН, 2011.
- Fitzpatrick S. Celebrating (or Not) The Russian Revolution // Journal of Contemporary History. 2017. № 52 (4). P. 816–831. URL: <https://doi.org/10.1177/0022009417723975>
- Malinova O. The embarrassing centenary: reinterpretation of the 1917 Revolution in the official historical narrative of post-Soviet Russia (1991–2017) // Nationalities Papers. 2018. № 46:2. P. 272–289. DOI: 10.1080/00905992.2017.1386639
- Olick J., Robbins J. Social Memory Studies: From «Collective Memory» to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 105–140.
- Ryan J. The Politics of National History: Russia's Ruling Elite and the Centenary of 1917 // Revolutionary Russia. 2018. № 31:1. P. 24–45. DOI: 10.1080/09546545.2018.1480115
- Scott J.C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. L.: Yale University Press, 1985.
- Smith S.A. The Historiography of the Russian Revolution 100 Years On // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2015. Vol. 16, № 4. P. 733–749. Doi: 10.1353/kri.2015.0065
- Swain G. The Centenary of the Russian Revolution: New Directions in Research // Revolutionary Russia. 2017. № 30:2. P. 278–281. DOI: 10.1080/09546545.2017.1383732

Статья поступила в редакцию 11 ноября 2019 г.

Kravchenko Artyom V., Lomakin Nikita A., Sklez Varvara M., and Sokolova Anna D.

PARADOXES OF TEMPORALITY: REMEMBERING PEASANT UPRISINGS 100 YEARS LATER*

DOI: 10.17223/2312461X/27/8

Abstract. The article problematizes the phenomena of memory and oblivion of the Civil War peasant revolts in Russian society, through the case studies of the regions of Tyumen and Tambov. Specifically, studied were memorial narratives about the events that took place in the 1920s. These narratives revealed some temporal shifts, whereby the respondents would unexpectedly start to talk about other epochs instead of the events in question. Here, various ways of dealing with time can be considered part of trying to understand the past in a situation when social memory is almost gone, but specific events are still remembered and seen as quite significant.

Keywords: historical memory, memory, oblivion, temporality, narrative, peasant revolt, Civil War

*The research was conducted under the project No.19-78-10076, funded by the Russian Science Foundation (RNF).

References

- Aptekar' P.A. *Soprotivlenie krest'ian politike bol'shevikov 1918-1922 gg.: po materialam evropeiskikh gubernii RSFSR. Dis. ... kand. ist. nauk* [Peasant resistance to the Bolshevik politics, 1918-1922: the case of the regions of the Russian Soviet Federalist Socialist Republic. Dissertation for the 'Candidate of Science' degree]. Moscow, 2002.
- Assman A. *Dlinnaia ten' proshlogo: memorial'naia kul'tura i istoricheskaia politika* [Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014.
- Vinogradskii V.G. *Krest'iane i grazhdanskaia voina: diskurs novellistiki* [Peasants and the Civil War: The discourse of short stories], *Krest'ianovedenie*, 2017, Vol. 2, no. 4, pp. 70–85.
- Gratsiozi A. *Velikaia krest'ianskaia voina v SSSR. Bol'sheviki i krest'iane. 1917-1933* [The Great Peasant War in the USSR. Bolsheviks and peasants, 1917-1933]. Transl. from English by L.Iu. Pantina. Moscow: ROSSPEN, 2001.
- Danilov V.P. *Krest'ianskaia revoliutsiia v Rossii, 1902-1922 gg.* [The Peasant Revolution in Russia, 1902-1922]. In: *Krest'iane i vlast'* [Peasants and authority]. Moscow-Tambov, 1996, pp. 4–23.
- D'iachkov V.L. *Prirodno- i sotsial'no-demograficheskie faktory rosta krest'ianskoi agressii v pervoi treti XX veka (Tambovskii sluchai)* [Natural and socio-demographic factors of peasant aggression growth in the first third of the 20th century (the case of Tambov)], *Istoriia i sovremennost'*, 2014, no. 1(19), pp. 128–141.
- Zerubavel' Ia. *Dinamika kollektivnoi pamiati* [The dynamics of collective memory]. In: *Imperiia i natsiia v zerkale istoricheskoi pamiati. Sbornik statei* [Empire and nation as reflected in historical memory. A collection of articles]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2011.
- Istoriia Vsesoyuznoj Kommunisticheskoi partii (bol'shevikov): Kratkij kurs* [History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks): A brief course]. Moscow, Gospolitizdat, 1945.
- Koznova I.E. *Stalinskaia epokha v pamiati krest'ianstva Rossii* [The Stalin epoch as remembered by the Russian peasantry]. Moscow: Politicheskaja entsiklopediia, 2016.
- Kondrashin V.V. «Krest'ianskaia revoliutsiia v Rossii 1902-1922»: nauchnyi proekt i nauchnaia kontseptsii. (predvaritel'nye zametki) ['The Peasant Revolution in Russia, 1902-1922': a scientific project and concept (preliminary notes)], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2008, no. 2(19), pp. 85–89.
- Kondrashin V.V. *Krest'ianskoe dvizhenie v Povolzh'e v 1918-1922 gg.* [The peasant movement in the region of Povolzhye, 1918-1922]. Moscow: Ianus-K., 2001.

- Narskii I.V. Konstruirovaniie mifa o grazhdanskoi voine i osobennosti natsional'nogo zabyvaniia na Urale v 1917-1922 gg. [Constructing a myth about the Civil War and national oblivion in the Urals, 1917-1922]. In: *Vek pamiati, pamiat' veka. Opyt obrashcheniia s proshlym v XX stoletii* [The era of memory and the memory of the era. Dealing with the past in the 20th century]. Cheliabinsk: Kamennyi poias, 2004, pp. 394–412.
- Osipova T.V. Krest'ianskii front v Grazhdanskoi voine [The Peasant Front in the Civil War]. In: *Sud'by rossiiskogo krest'ianstva* [The fate of the Russian peasantry]. Moscow: RGGU, 1996, pp. 90–161.
- Posadskii A.V. *Zelenoe dvizhenie v Grazhdanskoi voine v Rossii. Krest'ianskii front mezhdu krasnymi i belymi. 1918-1922* [The green movement in the Russian Civil War. The Peasant Front: between the Red and the White armies. 1918-1922]. Moscow: Tsentropoligraf, 2018.
- Sokolov K.I. *Plamia nad Volgoi. Krest'ianskie vosstaniia i vystupleniia v tverskoi gubernii v kontse 1917-1922 gg.* [The Volga in flames. Peasant uprisings in the region of Tver in the end of 1917 to 1922]. Moscow: Tsentropoligraf, 2017.
- Fadeeva O., Nikulin A. Issledovaniia i issledovateli: zamysly, proekty, rezul'taty, liudi (1990-2001) [Research and researchers: ideas, projects, results, and people (1990-2001)]. In: *Refleksivnoe krest'ianovedenie: desiatiletie issledovaniia sel'skoi Rossii* [Reflexive Peasant Studies: a decade of research on the rural Russia]. Eds. T. Shanin, A. Nikulin, V. Danilov. Moscow: MVShSEN, ROSSPEN, 2002.
- Khal'bvaks M. *Sotsial'nye ramki pamiati* [Social boundaries of memory]. Transl. from French and Introduction by S.N. Zenkin. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007.
- Shanin T. *Revoliutsiia kak moment istiny. Rossiia 1905-1907 gg. – 1917-1922 gg.* [Revolution as the moment of truth. Russia, 1905-1907]. Transl. from English by E.M. Kovalev. Moscow: Ves' Mir, 1997.
- Shishkin V.I. Vooruzhennoe soprotivlenie sibirskogo krest'ianstva kommunisticheskomu rezhimu v nachale 1920-kh godov [Siberian peasantry's armed resistance to the Communist regime in the beginning of the 1920s]. In: *Istoriia stalinizma: krest'ianstvo i vlast'. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* (Ekaterinburg, 29 sentiabria – 2 oktiabria 2010 g.) [The history of Stalinism: peasants and authority. Proceedings of International research conference (Yekaterinburg, 29 September to 2 October 2010)]. Moscow: ROSSPEN, 2011.
- Fitzpatrick, S. Celebrating (or Not) The Russian Revolution, *Journal of Contemporary History*, 2017, no. 52(4), pp. 816–831. <https://doi.org/10.1177/0022009417723975>
- Malinova, O. The embarrassing centenary: reinterpretation of the 1917 Revolution in the official historical narrative of post-Soviet Russia (1991–2017), *Nationalities Papers*, 2018, 46:2, pp. 272-289. DOI: 10.1080/00905992.2017.1386639
- Olick J., Robbins J. Social Memory Studies: From "Collective Memory" to the Historical Sociology of Mnemonic Practices, *Annual Review of Sociology*, 1998, Vol. 24, pp. 105–140.
- Ryan, J. The Politics of National History: Russia's Ruling Elite and the Centenary of 1917, *Revolutionary Russia*, 2018, 31:1, pp. 24-45. DOI: 10.1080/09546545.2018.1480115
- Scott J.C. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. L.: Yale University Press, 1985.
- Smith, S.A. The Historiography of the Russian Revolution 100 Years On, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2015, vol. 16, no. 4, pp. 733–749. doi: 10.1353/kri.2015.0065.
- Swain, G. The Centenary of the Russian Revolution: New Directions in Research, *Revolutionary Russia*, 2017, 30:2, pp. 278-281. doi: 10.1080/09546545.2017.1383732